

ПРОЛОГ

Смерть была ей к лицу. Сейчас, заключенная в кристалл чистейшего льда, выглядела она богиней, беспорочной и идеально прекрасной. Ее обнаженное тело, мерцающее, белоснежное, скорее угадывалось в глубине, распущенные волосы поднимались ореолом вокруг плеч, будто хищные щупальца какого-то спрута.

— Непослушная девчонка, — сказал Крампус и поскреб ногтем лед, — гадкая, лживая тварь.

Эхо его слов прокатилось под сводами пещеры, заглушая прерывистые звуки капли и далекий рокот прибрежных волн.

— Вешний лед толст, да прост, осенний — тонок, да цепок...

Он неторопливо обошел кристалл, осматривая добычу со всех сторон.

— Тепло ли тебе, девица? — хихикнул, вернувшись на прежнее место. — Тепло ли тебе, красная? Или, может, скучно здесь одной? Ну ничего, ничего, подожди, проказница, скоро тебе подружек приведу, вот ужо повеселитесь у меня.

Он потер ладони одну о другую и приложил их ко льду, будто пытаясь приласкать сквозь преграду женскую наготу.

— Три года — зима по лету, три года — лето по зиме, три года — само по себе.

Белесые безжизненные глаза девушки, широко открытые, смотрели за спину чудовища, туда, где вокруг седого от морской соли алтарного камня стояло еще восемь ледяных глыб.

ГЛАВА ПЕРВАЯ,
в коей почти возрождается утраченное искусство
проникновенного обморока, а некий сыскарь
вытягивает короткую соломинку

У египетского военного губернатора жила, при дочери его Амнерисе, гувернанткой иностранка Аида. Амнериса была барышня белокурая, капризная, ветреная, она часто ссорилась со своею гувернанткою (действие 2-е, карт. 1-я) и ходила декольте.

В. В. Билибин. Сокращенные либретто. Аида

Время близилось к полудню, когда у подъезда чародейского приказа остановилась карета с гербами. Дождь, не прекращавшийся с прошлого понедельника, утих, будто пережидая, пока по ступенькам к входу поднимется гостья, и сызнава зарядил, как только согбенная фигура ее скрылась за дверью. Ливрейные лакеи, сопровождавшие барыню, прикрыли парики и позументы огромными зонтами, от чего стали похожи на грибы.

— Подберезовики, — решила Евангелина Романовна, наблюдающая сии перемещения сквозь мутное от влаги стекло.

— Скорее, поганки, — не согласился с нею Эльдар Давидович.

Приказных сыскарей недавно определили в большую квадратную комнату на третьем этаже здания, и оба надворных советника в жаркой словесной баталии так и не смогли выяснить, кто из них достоин местечка у окна. Спор решил старший по званию — его высокородие Иван Иванович Зорин, распорядившись установить оба письменных стола боком к подоконнику, свое рабочее место определив в некотором отдалении от коллег, в неглубоком стенном алькове. Геля уже потом сообразила, что это-то место и есть самое

выгодное, позволяющее контролировать как входную дверь, так и окно, не поворачиваясь всем телом, но менять что-то было поздно.

Зато сидеть присутственное время напротив Мамаева было нескучно, всегда можно было перекинуться парой-тройкой негромких слов или обменяться улыбками.

— Сами вы, сударь... — начала было Геля привычную перепалку, но передумала, сменив тему: — Обедать сегодня пойдем? Я бы от жареных грибов не отказалась. Тут в двух шагах ресторацию новую открыли, хозяин зазывал давеча, разносолы сулил господам чиновникам.

— Не дадут нам сегодня отобедать, — вздохнул подошедший к окну Зорин. — Попомнишь мое слово.

— У тебя какое-то чародейское чутье сработало?

— Иван Иванович, букашечка, в отличие от тебя не зонтами любовался, а гербы на карете рассмотрел, — хохотнул Мамаев. — Нас посетила сама сиятельная княгиня Кошкина...

— Букашечка? — воскликнула Евангелина Романовна. — Иван, ты это слышал? Штраф! Давай, Эльдар, раскошеливайся!

Она схватила со стола жестяную пивную кружку и энергично ею встряхнула. Раздалось дребезжание. Мамаев с комичным вздохом опустил в нее монетку.

— Довольна?

— Перфектно! — счастливо вздохнула девушка, затем, покраснев, добавила гривенник от себя.

Борьба с паразитными словечками подчиненных, затеянная главою приказа Семеном Аристарховичем Крестовским, была в самом разгаре.

— Так что там княгиня? — отставив кружку, спросила Геля. — И почему она нас пообедать не отпустит?

— Старенькая она, — пояснил Эльдар, — из дому почти никогда не выходит. И раз она в эдакую погоду решила с нас с визитом явиться, причина серьезная.

Слова Мамаева подтвердились в тот же миг — в дверь постучал один из младших чинов, чтобы проводить его высочордие Зорина в кабинет начальства.

— Никогда про даму сию не слыхала, — сказала Геля, когда Иван ушел.

— Это потому, что в газетах про нее не пишут. А так-то влиятельная особа, кавалер всех возможных для слабого полу орденов, вдова предыдущего канцлера и фактически глава семьи. Хотя от семьи там мало что осталось. Она да внучок беспутный.

— погоди, — перебила его девушка. — Не князь ли это К., про которого третьего дня писали, что на дуэли стрелялся из-за долга чести?

Эльдар кивнул.

— А еще некая дама, пожелавшая для прессы остаться инкогнито, в том месяце в управу на него жалобу подавала, — припоминала Геля. — А еще...

— Он, все он, — замахал руками Мамаев. — Князь Анатолий, им-то все газеты полны. Красавец-гусар, дуэлянт, по-веса, игрок. Предположу, что дело, с которым к нам княгиня пожаловала, к нему касательство имеет. И еще, думаю, что...

Зонты внизу пришли в движение, сбив сыскаря с мысли.

— Она уезжает!

— Значит, либо нас с тобой сейчас к Крестовскому позовут, либо...

Семен Аристархович ворвался в кабинет волшебным вихрем. Весь он, от золотисто-рыжих волос до кончиков щегольских, вовсе не форменных, штиблет, излучал энергичную деловитость.

— Значит, так, сыскарики, — с порога начал он, — просыпаемся и начинаем думать.

Геля радостно начальству заулыбалась, затем погасила улыбку и придвинула к себе чистый лист бумаги, приготовившись записывать. Все вокруг были прекрасно осведомлены о ее отношениях с Семеном, но в присутственное вре-

мя новоиспеченная парочка пыталась придерживаться рабочих правил.

Крестовский подождал, пока войдет Зорин, и, водрузив по центру ковра стул, уселся.

— Произошла в нашем Мокошь-граде пренеприятная история, — произнес он напевно.

— Непосредственно связанная с князем Кошкиным? — спросила Геля, черкнув на бумаге имя.

— Будешь перебивать, выгоню, — пообещало начальство.

Нисколько не испугавшись угроз, девушка нарисовала стрелку, отходящую от похожей на вензель «К» и кивнула шефу.

Тот сверкнул на нее синими глазищами, но продолжил:

— Княгиня Кошкина подготовила для своего внука выгодный династический брак с принцессой одной сопредельной державы. И, предвосхищая перечисление географических названий, Попович, какой именно из держав, для нас не важно. Важно другое, князь Анатолий, будучи не так давно увлечен некоей дамой, передал ей документы, этому браку могущие воспрепятствовать. Наша задача вернуть бумагу до того, как эта женщина придаст их огласке.

— Что за дама?

— Что за документ?

Геля и Эльдар спросили одновременно, и оба раздраженно поморщились.

— Дама — международная авантюристка, известная в столице под псевдонимом Лилит, исполнительницы экзотических танцев.

Геля хмыкнула, подумав про князя, что так по-глупому вляпаться может только человек недалекий.

— Настоящее имя Гертруда Зигг, — Крестовский хмыканье проигнорировал, — фризка, покинула Мокошь-град в конце вересня, о чем свидетельствует запись учетного ведомства. А документ...

Семен Аристархович обвел подчиненных тяжелым взглядом:

— Аффирмация!

— Какой дурак! — Мамаев, всплеснув руками. — Танцовщицу срочно искать надо.

— Это что-то чародейское? — пискнула Попович, закончившая пририсовывать к своей стрелке слово «Лилит». — Заклинание?

— Можно и так сказать, а можно иначе — фраза-ключ, позволяющая проникнуть в сознание другого человека. Конкретного человека.

— Что ж, у всех эти аффирмации есть или только у чародеев? Князь тоже не из простых?

— В чародейских списках Кошкин не значится, — пояснил Зорин.

— Он не чародей, — кивнул Семен. — И аффирмация, Попович, отнюдь не признак одаренности волшебной силой. Скорее древняя традиция. Берендий Четвертый ввел императорским указом обязательное аффирмирование всех аристократических родов, во избежание бунтов и измен.

— В принципе, — пояснил Геле Зорин, — ключики-заклинания к любому человеку подобрать можно. Только процесс уж больно трудоемкий, да и опасный для этого «любого». Не используем мы аффирмацию, знаем о ней, но не более того.

— А как действует? — Геля повернулась к Ивану Ивановичу, проигнорировав начальство. — Я имею в виду, достаточно ли нашей экзотической Гертруде эти слова запомнить и на рассвете в небо прокричать?

— Только чтение с листа. Начертание линий так же важно, как и звук.

Евангелина Романовна задумчиво стала что-то записывать на своем листочке.

— А расстояние важно?

Семен Аристархович блеснул глазами:

— Умница! Чем ближе, тем лучше. А это значит, что искать девицу нам не нужно, а нужно подождать, пока она к князю подбираться начнет.

— Так я бы на ее месте не спешила. Годков с десятков подождала бы, пока история пылью покроется и забудется, а там и попыталась бы использовать для барышей.

— А вот тут ошибка вышла. Свой рассказ я начал с династического брака. Есть силы разные, желающие ему помешать. И удар будет нанесен в самое ближайшее время. По крайней мере, старая княгиня в этом абсолютно уверена.

— А арестовать князя Анатоля для его же безопасности никак не возможно?

Семен с улыбкой покачал головой.

— Жаль, — решила Геля. — Тогда придется князя по очереди караулить. А это сложно.

— По очереди не получится. — Семен раскрыл ладонь, сжал на мгновение кулак, а когда разжал пальцы, в руке оказались три обыкновенные соломинки, одна из которых была явно короче. — Тянем жребий, господа сыскари, кто из вас отправится сегодня нести службу вдаль от дома.

Соломинки вновь скрылись в ладони, наружу торчали лишь кончики их, причем одинаковой длины.

— Насколько вдаль? — деловито осведомилась Евангелина Романовна.

Эльдар Давидович уже успел потянуть соломинку, но так как без сравнения о длине ее судить не мог, поторопил коллег.

— Руян, — выделяя вторую гласную, сказал Зорин и тоже потянул жребий. — Наимоднейший среди столичной аристократии курорт. У меня явно короткая.

Крестовский протянул Геле оставшуюся соломинку и кивнул Ивану:

— Что ж, поздравляю, ваше высочордие. Отправишься на рассвете, поездом до побережья, там пересядешь на паром. Попович, прекратите тарашиться, Руян — это остров в Хладном море, до него невозможно добраться по суше.

Евангелина Романовна состроила гримаску, долженствующую скрыть невероятное облегчение от того, что ехать придется не ей.

На море-окиане, да на острове Руяне... Нет уж, господа, лучше в сыром Мокошь-граде службу нести, с любимым начальником.

Уже поздним вечером, когда надворный советник Попович покинула стены приказа и затем следом за ней, переждав приличные четверть часа, из присутствия ушел Крестовский, Эльдар обратился к Зорину:

— Ох не нравится мне эта история.

— Особенно тот ее аспект, что перекинул нам свои заботы господин Брют, начальник тайной канцелярии.

— Тебе побыстрее обернуться надобно, — решил Мамаев. — И с победой. Юлий Францевич явно под нас копает.

— Все сделаю, — спокойно пообещал Зорин. — Большое дело — авантюристку раскрыть да бумагу стребовать.

Иван Иванович тогда еще не знал, что скоро повстречает на своем жизненном пути барышню, которая превратит его дело в действительно большое.

«...Есть много привычек, которые вредят красоте. Не надо горбиться, много есть, читать в тусклом свете, щурясь от оного...»

Я подняла голову и откусила пирожок. Свет в спальне был тускл, а пирожки здешняя кухарка пекла преотменные. Бороться с вредными привычками буду завтра, вот именно что на рассвете и начну. Что там еще?

Истрепанные страницы переворачивались с неохотой, будто без уверенности, что прочла я их со вниманием. Ванны красоты, притирки и примочки...

«...Дородность, столь приветствующаяся в дамах прошлого, нынче является главным врагом красоты. Женщина должна быть тонкой».

От расстройства я схватила с блюда последний пирожок. Ну что за глупости, право слово. У нас, женщин, и без

того жизнь не сахар, а уж впроголодь вовсе мрак и страдание.

Хотя зря я про всех без исключения женщин столь огульно. Вот, к примеру, драгоценнейшая моя кузина, Наталья Наумовна, одной росой, наверное, питается и сим счастлива. Зато по моде тонка.

Пред моим мысленным взором явилась сия персона, с длинным лицом и золотистыми локонами по бокам его уложенными. Не горбилась, наверное, ни разу в жизни и ночью не читала. Ежели совсем по чести, то она и светлым днем не особо книги жалует. Потому что...

Тут я пролистнула свой талмуд, отыскивая нужное место.

«Красивой женщине не пристало придаваться занятиям сугубо мужским, как то: труду, сидению над книгами, также плаванию и гребле, управлению повозкой либо участию в гонках. Полезны будут занятия эфирные: музицирование, исполнение романсов, лучше на французском наречии с милой картавостью».

Грассируя тихонько «chère», я с тоской посмотрела на опустевшее блюдо. Что ж, Серафима, с этого самого мгновения ни единого пирожка, пирога либо бублика! А также баранки, расстегайчика, сочника или пышки. Блины и оладьи также под запретом.

Я поворотилась к окну, будто призывая в свидетели зарока большую ноздреватую луну, повисшую у самой кромки моря. От ночного светила ко мне бежала лунная дорожка.

А неплохо было бы сейчас оказаться там, ступить остроносными туфельками в серебро, так как бывает только во сне. Только вот без Маняши я этого абсолютно точно позволить себе не смогу, чтобы намечталась обувка по последней мокошь-градской моде да чтобы взмахнуть свободно подолом бального платья, расшитого жемчугами...

Я широко зевнула, прикрыв ладошкой рот. Не время дремать, совсем не время.

В коридоре затопотало, да так гулко, что даже лунная дорожка за окном, кажется, пошла рябью. А ведь в ней кто-то есть, в морской, совсем уже студеной водице. Силуэт какой-то мерещится, вроде даже женский. Я вытянула шею, прищурилась, пытаюсь поймать этот морок взглядом.

— Уф. — Топот закончился у моей двери. — Думала ужю на пристани почивать улягусь. — Маняша промаршировала к креслу и плюхнулась в него, закидывая за спину кисти шали. — Умаялась. Исстрадалась вся в думах, как там мое чадушко без меня.

Я хмыкнула, многозначительно кивнув на пустое блюдце:

— Чадушко тоже исстрадалось, пирожками вон думы зажевывало.

Маняша надула губы и сняла сначала шаль, а потом и плат, оставив на голове легкую льняную косынку. Нянька моя, хоть и была всего несколькими годами старше, успела не только сходить замуж, но и овдоветь. А вдовицам загорским простоволосыми ходить не положено. Особенно ежели вдовица не абы кто, а при фамилии-прозвании. Подозреваю, что за своего Демьяна она только ради фамилии и пошла. Неёлова! Так себе слово, если начистоту. Неёлами в наших краях исстари неудачников кликали. Маняшин супругник, напившийся о прошлой зиме да угревшийся до смерти в сугробе, мудрость народную подтвердил. Только вот об навеки ушедших либо хорошо, либо ничего, так что я даже думать дальше о Демьяне Неелове не собиралась. Бог дал, Бог взял.

— Опять глаза портила? — Маняша наконец рассмотрела оставленный на подоконнике талмуд.

— А что делать-то без тебя было? — точно так же возмущенно вернула я вопрос. — Спать нельзя, а после еды меня завсегда на сон клонит.

— Так рукоделием бы отвлеклась! Вышивку вон с травения закончить никак не можешь!

Я покраснела, закончиться мое творение могло со дня на день бесславной кончиной, ибо, что делать далее с перепле-

тением скособоченных стежков и узелков, я попросту не представляла.

— Можно подумать, для вышивания глаз не нужно, — пробормотала уныло и перевела разговор: — Так какие новости? Не зря же ты путешествовала?

— Не зря. — Маняша не стала стыдить меня за криворукость. — Все, как ты велела, сделала. На парходике до пристани, от нее рысью на почтамт. Погоди, рассуплюсь.

В процессе рассупонивания на столик легла свернутая трубкой газета и несколько почтовых конвертов.

— От батюшки весточка?

— Сама будто не посмотрела. — Я поддела краешек одного из конвертов ножом для бумаг.

— Я-то посмотрела, — с расстановкой сообщила Маняша, — только вот в приличном обществе принято такие вопросы задавать.

— От батюшки, — вздохнула я, вытряхивая на стол стопку банковских билетов и клочок бумаги с запиской, рукою Карпа Силыча Абызова самолично накорябанной.

— Пишет что? — Этот принятый в приличном обществе вопрос был задан вполне рассеянным тоном, ибо Маняша озвучила его, не отрываясь от пересчета денег.

— Жив, здоров, чего и мне желает, — грустно ответила я, наблюдая, как свежая наличность укрывается в окованном дубовом сундучке. — А также выражает надежду, что я фамилии Абызовых не посрамлю.

— Этого мы тебе никак позволить не можем, — кивнула Маняша, запирая сундучок и пряча ключик на своей дородной груди. — Я завтра к управляющему наведу, счета оплачу. Мырма-то свои бумаги поднесла?

Мырой Маняша величала мою кузину Наталью Наумовну.

— Поднесла, — кивнула я. — Ты уж, будь любезна, попроси ее расходы сразу на мой счет писать, чтоб в будущем неприятных ситуаций не возникло.

Наталья Наумовна, в отличие от меня, парвеню, дама сама что ни на есть благородная, старинного дворянского рода Бобыниных, ей о презренном металле думать никак нельзя. Об этом Натали мне сообщила самым холодным тоном третьего дня, присовокупив сожаления о том, что согласилась сопровождать меня в курортных развлечениях, не подумав о последствиях сего решения. Я краснела, бледнела, но терпела ее упреки. Кузина мне нужна, ох как нужна. Без благородных родственников в моем деле никак не обойтись. Да и уроки французского, что изредка мне от нее перепадают, очень кстати.

Курортные развлечения! Мы сидели на острове с серпена, вот уже третий месяц. И до недавнего времени кузина никакого неудовольствия не проявляла. Здесь было многолюдно, кипела жизнь, в павильоне каждый день играл оркестр и устраивались танцы. Мы с Натали блистали в местном обществе. Она, изящная блондинка, я — брюнетка, слишком яркая и пышная, чтоб быть изысканной. К счастью, мы оттеняли друг друга, привлекая взгляды. Кавалеры кружили вокруг нас будто бабочки вокруг цветов: офицеры, чиновники, парочка финансистов. К сожалению, никто из них мне не подходил.

— Рано приехали, — заключила Маняша к исходу третьей недели. — Я тут с обслугой поговорила, аристократы на Руян по осени слетаются. То есть сплываются. Сейчас время для рыбешки помельче.

— Но Наталья Наумовна, — пыталась я возразить, — другое мне говорила.

— Твоя Наумовна, — кривилась Маняша, — очень до денег алчна. Она за то, чтобы кто-нибудь ее капризы оплатил, и совет, недорого возьмет. Мымра она, вот кто!

Я тогда Маняшу строго отчитала, а потом пришлось прощения у нее просить. Потому что права моя нянька оказалась. Не в то время мы здесь оказались. И чтоб выяснить это, многого не понадобилось, всего лишь посетить библиотеку да полистать подшивки местных газет.

Я тогда разозлилась на кухню до крайности, до того даже, что послание родителю сочинила покаянно-повинное. Так, мол, и так, написала, подвела тебя Серафима непутевая, до седых волос мне теперь в девках сидеть. Господин Абызов тогда ответил мне быстро и, по обыкновению, кратко. Велел никуда с Руяна не отплывать, новостей ждать и его фамилию по возможности не позорить.

— Ну что там еще?

Слова няньки отвлекли меня от воспоминаний. Я принялась за другие письма. Они были из Мокошь-града, от двух незнакомых друг с другом человечков, коих нанял мне в помощь батюшка. Один служил в газете, судя по излишне цветистому слогу, в должности невеликой, навроде переписчика, а другой, немногословно-деловитый, имел дело с учетом приезжающих и отъезжающих.

Быстро пробежав глазами корреспонденцию, я зашуршала газетой.

— Дождались, Маняша!

— Кого?

— Его! — Я развернула к няньке газетный лист, с которого смотрел на Маняшу бравый гусар. — Сиятельный князь Кошкин!

— Экий, — обвела она кончиком пальца эполеты и уложенные волной волосы, — ладный. А он точно неженатый, с такими-то усиками?

— Точно, — кивнула я. — И теперь ненадолго.

— Глаз у него уж больно нахальный.

— Вот еще только глазами мы с тобой не перебирали, — фыркнула я. — Да с его титулом вообще никаких глаз не нужно!

— А можно других посмотреть?

— Бери, что дают! — от возмущения я даже руками всплеснула.

— Да кто же мне его даст? — расхохоталась нянька. — Ты, чадушко, совсем уж умом тронулась, как я погляжу. Да и с батюшкой твоим на пару! Где это видано с первым

встречным под венец бежать. Да еще неизвестно, сам-то он захочет.

— Не захочет — заставлю. — Твердо сказала я. — Абызовы отступить не привыкли.

— Это уж точно, — согласилась Маняша. — Карп-то, ба-тяня твой, завсегда наверх лез. Мне матушка сказывала, многие наши девки захомутать его хотели, как в возраст вошел. Да только он всем отлуп давал. Желая, говорил, дворянского роду супругу иметь. Он тогда только первый заводик обустраивал, так что многие пальцами у виска покручивали. А как Бобыниных дочку к алтарю повел, так крутить и перестали.

Я вздохнула. Маменьку свою мне было жалко. Батюшка женился без любви, а она... Ну не из-за денег же она за ним пошла, точно не из-за них. Ни людей не побоялась, ни молвы, ни проклятия родительского. Бобынины от нее тогда отrekliсь. Это сейчас у нас с ними что-то вроде перемирия, и то потому, что брат покойной матушки азартен больно, за десять лет все имения просадил, и, если бы не мы, Абызовы, да не наши капиталы... Ах, пустое. Никакие капиталы мне князя на блюдечке не принесут. Ну, то есть, только капиталы — нет, но помочь могут. Без денежек не было бы у меня ни соглядатаев в самом Мокошь-граде, ни кузины-приживалки, которая может меня пред сиятельные очи представить, ни одежек, в которых пред ними предстать незазорно, ни разумных книг, по которым науку соблазнения можно постичь. Подумаешь, князь! Он тоже, поди, мужик. А все мужики на женские прелести падки. А уж ежели к прелестям в комплекте коварство женское имеется, тут вообще ни у кого из сильного пола шансов устоять нет.

В возбуждении я подбежала к окну.

— Перво-наперво, любезная моя Маняша, отправимся мы с тобою с рассветом на пристань.

— И чего мы там в эдакую рань углядим? — фыркнула нянька. — Сколько его сиятельство бриолину на макушку вылило?

Ворчала она для порядка, потому что и она и я знали: пойдет со мной и не пикнет.

— Ежели чтоб разузнать, с кем прибыл да куда селится, так на то болтунов местных без счета имеется. Пристань на западе, — быстро соображала я. — Значит, с утра солнышко прибывающим в глаза бить будет...

— Я вон и денежек монетками в порту наменяла, чтоб за информацию одаривать.

«Первое впечатление — самое важное. — Маняшу я не слушала совсем. — Кавалер должен меня не только увидеть, но и запомнить. Поэтому...»

— С утра я с управляющим рассчитаюсь, а ты тем временем заставишь мымру приветственное послание князю сочинить, как промеж ними, аристократами, принято.

Послание это само собой. Только вот к моменту визита нашего с драгоценнейшей Натальей Наумовной, предмет моего интереса уже знать меня должен. Потому что визитов у него будет что камешков на берегу, а я — единственная и неповторимая.

— Платье для прогулок! — перебила я няньку. — Подготовь его непременно.

— Которое?

Хм, а это вопрос. Платьев у меня несколько... несколько десятков. И это я сейчас только о прогулочных. Давайте поразмыслим, кого именно наш князь должен во мне завтра увидеть?

— Серое, узкокроеное, — наконец решила я. — К нему — палантин на меху и ботильоны. Да посмотри, чтобы каблук низкий был да носок не острый, а закругленный.

Маняша кивала, запоминая.

— Ты же сокрушалась давеча, что серое брюнеткам не к лицу, больно блеклое.

Я посмотрела на свое отражение в оконном стекле. Блеклость — именно то, что нужно. Нынче в моде девы бледные да утонченные, так что большеротые брюнетки,

да еще с лицом, с которого будто малиновое варенье ели, поскромнее быть должны.

Я подперла щеку изнутри кончиком языка. Родинка еще эта! Нет, кавалеры мне, конечно, разливаются соловьями про «роковую мушку в уголке рта», которую никто забыть не может, но меня она раздражает до невозможности. Может, запудрить?

Зевнув, я покачала головой.

— Давай-ка почивать, чадушко, — решительно сказала Маняша. — Утро вечера мудренее.

— А платье?

— Минутное дело. — Нянька взбивала подушку на моей стороне кровати. — В гардеробной — порядок, что на плацу солдатском, все по ранжиру, по фасону разобрано.

— И то правда. — Я скинула на пуфик шлафрок, оставшись в сорочке, и улеглась в постель.

Маняша погасила один за одним все светильники, оставив лишь крошечный ночник на прикроватной тумбе.

— Мне показалось, кто-то в море купается.

— Так то показалось, — донеслось из-за ширмы, где передевалась нянька. — А кому кажется, тому креститься надо.

И я отошла ко сну под негромкое бормотание нянькиных молитв.

Небо было низким и хмурым, ветер — пронизывающим до костей, Маняша раздражала ворчанием, а ботильончики (мягкой на вид кожи) нещадно натирали ноги.

— Сама говорила, чтоб носочек круглый, — бормотала нянька, волоча по тропинке огромный брезентовый кофр. — Страдай теперь. И что за фантазии, столько вещей с собою на разведку...

— Давай помогу, — примирительно предложила я, хватаясь за свободную ручку поклажи.

— Вот еще. — Она дернула кофр к себе, споткнулась о кочку и едва устояла на ногах.

Мы пробирались тропками, что петляли меж вылизанных добела ветром и солнцем валунов.

— Давай, — удержала я одновременно и багаж, и посредством его свою наперсницу.

— Все у тебя, Серафима, не как у людей, — покачала Маняша головой. — Нет чтобы остороженько по набережной до пристани дойти...

— Все там пойдут!

— Да кто все?

Тут уж пришел мой черед сокрушаться:

— Сколько на часах в гостиной было, когда мы из апартаментов выходили? Пять! Неужели тебя не удивило, что в столь ранний час вся местная прислуга уже на ногах оказалась? И, заметь, не на кухне толпилась, чтоб господам кофе с круассанами в постели подавать, а утюги калила да горячую воду ведрами подтаскивала.

«Круассаны» я сказала в нос и картавя, даже самой, как прозвучало, понравилось.

— Бобынинская горничная еще на лестнице нам повстречалась. Как ее бишь? Лулу!

— Вот! — пропыхтела я, кофр оттягивал руку. — А Наталья Наумовна обычно до полудня почивать изволит. Хочешь об заклад побиться, что кухня моя аристократичная тоже выйдет на пристань кораблик с прекрасным принцем встречать?

В маленьком курортном обществе новости разлетались в мгновение ока. И в то время, когда мы с нянькой только читали столичную газету, многие наши соседи уже всюю строили планы любви либо дружбы с сильным мира сего. А некоторых, и это я знала абсолютно точно, потянет на пристань простое человеческое любопытство. Потому что жизнь отдыхающего скучна и размеренна, особенно если не раскрасить ее флиртом либо интригой.

Маняша ставку делать отказалась. Уж не знаю, сколько жалованья ей батюшка за услуги положил, но ни одну свою копейку она мне уступать не желала. Я предложила сме-

нить руки, и мы закружились на узкой тропинке, будто исполнив фигуру диковинного танца.

— Мне первой нужно быть, — сказала я задумчиво. — Первой и единственной.

Когда мы достигли цели, солнце уже взошло, я посмотрела на часики, прикрепленные к кушаку. Уже шесть. Рейсовый пароходик, если верить висящему у кабинета управляющего расписанию, прибудет через час, у меня есть время подготовиться.

— Здесь! — объявила я спутнице. — Ты иди, пожалуй, нашими делами займись.

Маняша окинула диспозицию пытливым взором. Мы очутились с нею на скальном выступе, нависающем над кромкой берега. Пристань и упирающаяся в нее прогулочная набережная были аршинах в семи ниже и гораздо правее.

— Мы еще когда на остров причаливали, — вспомнила нянька, — ты все на эту скалу смотрела да в ладоши хлопала.

— Мы как раз напротив нее последний вираж заложили, — кивнула я, — ну или не вираж, бог знает, как оно у моряков называется. Мне тогда еще подумалось, что на этом месте неплохо было бы знак какой памятный разместить, для услаждения взора прибывающих.

— Какой?

— Ну мало ли, статую прекрасной девы, к примеру. В каждой местности историй про прекрасных дев без счета. Ну вот еще третьего дня капитан в ресторации балладу пересказывал про ледяную принцессу, что ...

Та сказка была не так чтобы очень приятной, я даже плечами передернула, вспомнив, чем там дело кончилось и решила не продолжать.

— Впрочем, не важно. Услаждать взор князя Анатоля сегодня будет никакая не статуя, а я.

Я расстегнула кофр, достала из него складной стул, плед, корзинку для пикников, скатерть и подзорную трубу,

про которую тот самый давешний капитан божился, что она пиратская и добыта абордажем.

— С парходика князь меня сперва не рассмотрит, — объяснил я замершей в удивлении няньке. — Солнце как раз в глаза прибывающим бьет.

Я раздвинула пиратскую трубку, приникла к окуляру. Море пока было чистым.

— Значит, привлечь его должен некий загадочный силуэт.

Я картинно подбоченилась и направила трубу к пристани. Там уже фланировали две самые нетерпеливые барышни. Обеих я мельком видела, сопровождающие прелестниц горничные семенили в отдалении. Простушки! Супротив силуэта девы в узком платье с подозрительной пиратской трубой шансов у них нет!

— А потом у меня будет около двух минут, пока корабль будет бортом вдоль этого берега идти, и вот здесь...

Дальше план я не продумала. Ну что там обычно барышни делают, чтоб кавалера ободрить? Улыбнусь широко, глазками стрельну, трепета ресниц его сиятельство при всем желании без дополнительной оптики не рассмотрит, так что и так сойдет. Можно еще в подобострастный обморок брякнуться, будто бы будучи сраженной княжеской молодецкой красою. Но я решила этот козырь приберечь. Потому что, во-первых, практики в этих проникновенных обмороках не имела, изучив их по книгам, а во-вторых, проникновенный обморок хорош тогда, когда кавалер может даме немедленную помощь оказать. Я представила, как князь Кошкин при мундире сигает за борт, чтобы саженками преодолеть разделяющую нас водную гладь с целью прижать меня к мокрой груди, и запахлась поплотнее в палантин, засунув пиратский трофей под мышку. Да и вообще, камни острые, оцарапаюсь еще. Нет-нет, лучше это делать в покоех, чтоб ковер мягонький на полу постелен был или, еще лучше, в шаге от дивана. Тогда князь Анатолий прижмет меня к вполне сухой и надушенной груди, а оцара-

паться я смогу разве что его гусарскими эполетами. Манифик!

Маняша отобрала у меня трубу и теперь с интересом в нее смотрела.

— А вон и Наталья наша Наумовна с Лулой своею ковыляет! А разоделась-то! А не тот ли это капор, что я на прошлой неделе сыскать не смогла?

Я тоже приникла к окуляру:

— Надо было меня спросить, я сама его Натали преподнесла.

— А платье?

— Хватит. — Я сложила трубу и взмахнула ею. — Ступай. Ты мне всю мизансцену своим присутствием портишь.

— Я могу вон за теми камнями спрятаться.

— А управляющий? Ему ранний визит нанести надобно, денежку заплатить.

Маняша еще немного потопталась, поворчала, затем все же отправилась исполнять поручение.

— Сама-то вещи обратно тащить не вздумай, здесь оставь. Я распоряжусь в отеле, чтоб забрал кто.

— Не вздумаю, — пообещала я, устраиваясь с комфортом на стуле, закутываясь в плед и откидывая крышку корзины. — Я сейчас завтракать буду с превеликим удовольствием.

От пирожков к стылому небу поднимался ароматный парок.

Если и вспомнился мне некстати давешний сдобный зарок, то я быстро эту мысль думать перестала. Откушав и запив снедь обжигающим чаем, добытым из термоса, я вытерла губы салфеточкой и принялась ждать. Ветер крепчал, поднимая волны. До меня брызги не долетали, а вот публике, толпящейся внизу, приходилось несладко. Особенно Наталье Наумовне. Потому что наряд кузины, хорошо мне знакомый, осенней погоде соответствовал мало. Летнее платьишко было, легкое, муслин да кисея многослойная. Что ж она себя не бережет?

— Кыс, кыс...

Я обернулась. Из-за валуна мне махал какой-то мужик, будто сошедший с деревенской пасторали, огромный, бело-брысый, в куртке толстого серого сукна, сапогах с раструбам и круглой шляпе с узкими полями — в таких предпочитали выезжать на охоту берендийские помещики.

— Кошку здесь не видали, барышня?

— Не видала!

Пароходик уже подходил к заливу, мне было видно его невооруженным глазом.

— Ступайте, любезный, — приказала я решительно, выходя из многослойности плета.

— Котик здесь уж больно любопытный шастает, — проигнорировав просьбу, мужик обогнул валун и стал спускаться ко мне, разбрасывая сапожищами белесую гальку. — На камышового повадками похожий.

Я уже снимала палантин и укладывала его между камней, вместе с остальной поклажей и сложенным стулом. Сцена должна быть свободной.

— Может, вам нужна помощь?

— Еще один шаг, любезный, и я кричать буду! — ответила я весело и зло. — Убирайтесь!

Он нерешительно остановился.

— Но позвольте...

— Не позволю! Ума не приложу, как должен выглядеть камышовый кот, но, если это трехцветная бестия с бандитским выражением морды, то он за вашей спиной.

— У вас здесь пикник?

Он не обернулся, а зря. Потому что кот, размером с крупную охотничью собаку, сжался в комочек, явно с целью атаковать.

Я быстро вскинула к лицу подозрную трубу, в этот момент солнце выглянуло из-за низких серых туч.

— Ложись! — проорала я зычно, тряхнула головой, пустив по ветру копну распущенных волос.

За моей спиной, судя по звукам, кипела нешуточная битва. Кот визжал, как могут визжать только дерущиеся коты, мужик кряхтел и охал, я не отводила взгляда от паровой палубы. Князь Кошкин, кажется, тоже о важности первого впечатления знал. Он стоял у борта подбоченясь и молодежато подкручивая ус, эполеты сверкали, шнуры, коими в преизбытке был расшит его доломан, трепетали на ветру, кивер на голове держался как приколоченный.

Манифик, могла бы сказать я, но говорила вовсе другое, обращаясь к мужику за моей спиной:

— Что бы вы там с киской ни творили, лежите и не высывайтесь, любезный. Тогда, обещаю, я не оставлю вас здесь на прокорм чайкам и камышовым котам, а, напротив, пришлю доктора...

Тут князь Кошкин меня заметил, я ощутила его взгляд всем телом, будто встретила грудью горячую морскую волну.

Я опустила трубу, кораблик как раз приблизился к берегу на максимально возможное расстояние. Князь приложил к губам руку в белой перчатке и помахал ею, посылая мне воздушный поцелуй.

Я в ответ присела в глубоком изящном реверансе, не забыв отбросить в сторону волосы.

С реверансом я погорячилась. Потому что сидеть в нем пришлось все время, пока пароходик с его сиятельством неторопливо пыхтел вдоль берега. А все, кто сиживал в реверансах, знают, как нечеловечески приходится изгибать и напрягать конечности, чтоб достичь положенного по этикету изящества.

Пароход закончил разворот, но князь Анатолий, успевший перебежать на корму, продолжал размахивать конечностями и прожигать меня взглядами.

«Экий надоеда», — подумала я, и облегченно выдохнула, когда к его сиятельству подошел какой-то офицер и увел его с палубы.

Я, согнувшись, потеряла ладонями дрожащие колени и только после этого массажа повернулась к пострадавшему мужику.

Тот оказался у меня за спиной. То есть натурально эта громада возвышалась в полусагае от меня.

Я похолодела.

— Вы давно здесь торчите?

Взгляд скользнул дальше, кот лежал на камнях и признаков жизни не подавал.

— Животное!

— Простите?

— Вы! — Я, размахнувшись, ударила его подозрной трубой в плечо. — Гадкий жестокий человек! Живодер! Бедный котик...

Я бросила в суконную грудь свое оружие и подбежала к страдальцу. Кровь стекала по камням, впитываясь в сухую землю.

— И что вы теперь изволите с ним сделать, господин охотник? Набьете соломой? Выставите чучело в зале трофеев в своем Муходрыщинске?

— В каком Муходрыщинске?

Отвечать я не собиралась, присела на корточки, потрогала кончиками пальцев мягкую шерсть у мордочки покойного создания. Однако... Бок явно драли зубами, это не ножевой удар.

Подняв взгляд, я убедилась, что на губах муходрыщенского помещика нет крови, затем посмотрела на его руки, в них не было ножа.

— Это самка, — растерянно сказал мужик. — И, уверяю, в ее смерти я вовсе не повинен.

— А это нам еще предстоит выяснить, — не желая смягчаться, ответила я.

— Пол этого создания?

— Степень вашей вины.

Мужик ума явно был невеликого, за моими словами не поспевал.

— Уверяю вас... — Он приблизился и присел рядом со мной. — Она бросилась на меня, но, кажется, промахнулась. Я ощутил лишь толчок, а когда обернулся, кошка уже билась в конвульсиях на земле, видимо, последний прыжок стоил ей остатков сил.

— И какова же причина столь странного поведения?

— Особенности местного воздуха, самым невероятным образом действующего на дамские организмы. Вы-то, сами, барышня, что именно сейчас исполняли?

— Закончили мухотрыщенские курсы сарказма? — перебила я его. — С отличием? Помогите уж, охотничек.

Я стала собирать ближайшие ко мне камешки, сооружая над покойницей то-то вроде кургана.

— Наверное, — он тоже положил пару камней, — мне следует представиться?

— Не трудитесь. — Я распрямилась, отряхивая запыленный подол. — Ваше имя мне нисколько не интересно, а мое вам без надобности.

— И узнать его я смогу без труда, выяснив отличницу курсов беспардонности?

— А вы, сударь, невежа.

— А вы, сударыня... — Он запнулся, потом махнул рукой и пробормотал: — Спишем вашу резкость на нервное перевозбуждение и попытаемся начать знакомство с самого начала. Иван Иванович Зорин, прибыл из Мокошь-града с целью поправления здоровья.

Чего ему еще поправлять? Я хмыкнула, придирчиво осматривая собеседника от носков сапог до белесой макушки, сейчас обнаженной по случаю вежливого поклона. Еще чуть-чуть здоровья, и Иван Иванович треснет под напором одного, как переспелый плод. Из столицы? Значит, не помещик, служака, чиновник не из высоких, может, отставной военный, вон как плечи держит, будто на плацу. Отставной майор от инфантерии? Либо от интендантства? Здоровье! Как же. Небось от майорши своей сбежал в надежде на скоротечный курортный романчик. Только вот со мною тебе,

мил-человек, не обломится. Гризетку какую-нибудь поищи и на нее глазницами своими васильковыми зыркай. У меня, между прочим, целый князь практически в кармане, тоже с глазами и даже с усиками. Однако мое разглядывание уже можно было счесть за кокетство.

— Серафима Карповна Абызова, — с теми же простоватыми интонациями, что и собеседник, сказала я без поклона. — Прибыла из Загорской губернии просто так, без особой цели.

Решив, что долг вежливости исполнен мною полностью, я вернулась к своим вещам и потянула за уголок мехового палантина. Морской ветер пробирал до костей.

— Вы же меня проводите, Иван Иванович? — сахарно спросила я майора. — Хрупкой барышне одной эту поклажу до «Чайки» не дотащить.

«А от тебя хоть какая-то польза будет», — уже не сказала, а подумала, затягивая волосы и надевая поверх пучка строгую серую шляпку.

— Всенепременно, — засуетился новый знакомый. — «Чайка»? Да мы с вами, Серафима Карповна, соседи. Я в этот же отель вечером определился.

Ну надо же! Недешевое местечко, не для всякого мелко-го чиновника доступное. Я побросала в кофр вещи, застегнула его.

— Вечером поселились, а с утра променады решили совершить? И не по набережной, для променадов предназначенной?

— И не прогадал! — широко улыбнулся он, выразив простецким своим лицом восхищение. — Я же, когда разглядел вас на этом утесе, грешным делом, подумал, что помощь вам нужна, подумал, в беде барышня, а потом, когда вы подозрительную трубу приладили, тут и растерялся. А вы, стало быть, прибывающих разглядывать уединились?

— Уединилась. А вы, стало быть, все время, пока пароходик у берега маневрировал, за моим плечом простояли?

Он кивнул с простодушной гордостью. Я мысленно застонала. Болван! Святые угодники, какой болван! Представляю, какое впечатление наша парочка на князя произвела! Да он, наверное, палубы покинуть от удивления не решился, так и прирос к доскам подошвами сапог.

— Высокий чин на Руян прибыл, — продолжал Болван Иванович. — Вы когда в реверанс опустились, я тоже, знаете ли, не оплошал, вытянулся во фронт, со всем почтением.

«Лучше бы я над тобою сейчас курган из камешков возвела, а не над кошкой невинной», — подумала я зло, лицом раздражения никак не выказывая, лишь улыбнулась покровительственно.

— Экий вы хитроумный, Иван Иванович. — Я кивнула на кофр. — Теперь мы можем отправляться к месту нашего поселения.

— Слушаюсь! — по-военному щелкнул он каблуками и схватился за ручки. — Я потом и сам сюда вернуться смогу.

— С какой целью?

Мы уже взбирались по тропинке, поэтому спрашивала я через плечо.

— Да любопытно мне выяснить, откуда камышовая кошка появилась. Она же чуяла, что сдохнет скоро, но к людям пошла.

Я остановилась настолько резко, что столкнулась со спутником.

— Она хотела наше внимание привлечь?

— Похоже.

— Бросьте, — велела я Зорину, — оставьте этот злосчастный кофр, мы потом за ним вернемся или не вернемся... Не важно. Лежбище должно быть где-то неподалеку. Вы же охотник, майор? Ну конечно, как любой берендийский мужчина. Следы читать умеете?

Я быстро сбежала по тропинке к кургану. Раз уж моя первая встреча с князем обернулась таким досадным фиаско, от осознания сего прискорбного факта следовало отвлечься.

ОГЛАВЛЕНИЕ

<i>Пролог</i>	5
<i>Глава первая</i> , в коей почти возрождается утраченное искусство проникновенного обморока, а некий сыскарь вытягивает короткую соломинку	6
<i>Глава вторая</i> , в коей продолжается охота на князя Кошкина, а Серафима пропускает обед	34
<i>Глава третья</i> , в коей возобновляются старые знакомства и заводятся новые	63
<i>Глава четвертая</i> , в коей обсуждаются стати настоящих берендийских богатырей, Серафима усмиряет горничных и демонов, а Зорин любит стихиями	90
<i>Глава пятая</i> , в коей укрепляются родственные связи, накладываются чары, а кое-кто не отвечает на поцелуй	123
<i>Глава шестая</i> , в коей, кроме прочего, происходит совещание чародейского приказа	155
<i>Глава седьмая</i> , в коей Иван Иванович творит добрые дела, но награды не получает	190
<i>Глава восьмая</i> , в коей открываются тайны и сны Серафимы, а ночь приносит не то, что сулила	228
<i>Глава девятая</i> , в коей князь являет силу, Иван — быстроту, но в игру вступает канцлер	256
<i>Эпилог</i>	279